

УДК 316.4:316.7

Prospects for Sakha People Being as Ethnic Community

Alla V. Lapteva*

*Strategic Research and Development Center
Siberian Federal University
79 Svobodny, Krasnoyarsk, 660041, Russia*

Received 15.12.2014, received in revised form 15.01.2015, accepted 16.02.2015

The paper presents a review of the results of ethnosociological research performed within “Sakha (Yakutia) Republic Foresight – 2050”. The trends in the Sakha people identity, language and culture transmission in the generational change and urbanization context are shown on the survey data basis. Also the changes in the efficiency of social institutions that provide cultural transmission are shown. Identified trends extrapolation allows us to formulate an evaluative forecast for these changes up to 2050. On the expert survey basis probable critical situations in the field of identity, language and culture transmission of Sakha people are identified. Besides the bases for the possible strategies in the field of education and culture aimed at preserving Sakha people as ethno-cultural community are discussed.

Keywords: Sakha (Yakuts), ethnic identity, the Yakut language, culture, generational dynamics, institutions, urbanization, critical situations, strategy for ethnos preservation.

Research area: philosophy, culture studies.

Перспективы сохранения народа саха как этнокультурной общности

А.В. Лаптева

*Центр стратегических исследований и разработок
Сибирского федерального университета
Россия, 660041, Красноярск, пр. Свободный, 79*

Представлен обзор результатов этносоциологического исследования народа саха (якутов), проведенного в рамках проекта «Форсайт Республики Саха (Якутия) – 2050». На основе данных социологического опроса показаны тенденции изменений воспроизводства идентичности, языка и культуры саха в контексте смены поколений и продолжающейся урбанизации, а также изменений действенности социальных институтов, обеспечивающих культурную

трансмиссию. Экстраполяция выявленных трендов позволяет сформулировать оценочный прогноз данных изменений на период до 2050 г. На основе данных экспертного опроса определены вероятные критические ситуации в сфере воспроизводства идентичности, языка, культуры саха в Республике Саха (Якутия). Также обсуждаются основания для возможных стратегий в области образования и культуры, направленных на сохранение якутского народа как этнокультурной общности.

Ключевые слова: саха (якуты), этническая идентичность, якутский язык, культура, поколенческая динамика, институты, урбанизация, критические ситуации, стратегия сохранения этноса.

Научная специальность: 09.00.00 – философские науки, 24.00.00 – культурология.

---

1. Введение

Данная статья посвящена проблеме, которая в связи с проектами индустриального освоения северных территорий и Арктики становится остро актуальной, – перспективам и возможностям сохранения народов Севера на примере народа саха (якутов). В отличие от коренных малочисленных народов Севера саха – весьма многочисленный народ, в Республике Саха (Якутия) их более 466 тыс. чел., ситуация сохранения его культуры, языка представляется сравнительно благополучной. Воспроизводство народа саха поддерживается целой системой институтов – социальных, культурных, политических: это национальная школа, система учреждений культуры, здравоохранения, средства массовой информации, кинематограф на якутском языке, институт республики. Жизнь саха является многоукладной – разные части этноса включены в традиционный уклад, индустриальный и постиндустриальный. В течение последних пяти десятилетий саха включены в процессы урбанизации. Таким образом, есть возможность получить на примере саха богатую фактологию, показывающую и проблемы, и возможности воспроизводства и развития северного этноса в современных условиях.

Статья написана на основе результатов исследований, проведенных в рамках проекта «Форсайт Республики Саха (Якутия) – 2050»,

реализованного учеными Северо-Восточного и Сибирского федеральных университетов в 2011–2014 гг. Задача проекта в целом: построить видение будущего народов Республики Саха (Якутия) в долгосрочной перспективе на основе комплексного анализа социальных, экономических, демографических, социально-культурных процессов, определяющих воспроизводство и развитие народов республики; разработать сценарии будущего, «дорожную карту» движения в будущее, принципы политики сохранения северных народов республики.

Особенности проекта, позволяющие говорить о его уникальности:

- проект мультидисциплинарный, в нем участвуют исследователи и эксперты в области экономики, демографии, здравоохранения, социологии, культуры, образования (более 60 ученых и специалистов);
- впервые в республике в 2011 г. был проведен масштабный социологический опрос населения – 2000 респондентов в 16 районах, включая северные территории;
- проведен масштабный Делфи-опрос экспертов о будущем региона, в нем приняли участие 1500 экспертов, в том числе 150 экспертов очень высокой квалификации (ученых и управленцев).

Концепция проекта представлена в докладе Михайловой и др. (2012), статье Ефимова и Лаптевой (2012). Результаты исследований отражены в ряде статей: Yefimov (2012), Борисовой и др. (2013а; 2013б; 2013в), Ефимова и Лаптевой (2014а; 2014б; 2014в; 2015), Ефимова и др. (2014б), Mikhailova et al. (2014), а также в докладе по итогам проекта Михайловой и др. (2014) и в коллективной монографии Ефимова и др. (2014а).

Данная статья представляет обзор части результатов исследований, которые характеризуют:

- тенденции изменения воспроизводства якутской идентичности, языка и культуры в контексте смены поколений и продолжающейся урбанизации;
- основания для возможных стратегий в области образования и культуры, направленных на сохранение якутского народа как этнокультурной общности.

Концепт и программа исследований, инструментарий опросов (опросные листы для социологического опроса и экспертного Делфи-опроса), анализ данных и интерпретация результатов были проведены сотрудниками Сибирского федерального университета В.С. Ефимовым, А.В. Лаптевой. Полевая часть социологического и экспертного опросов (работа с респондентами) выполнена коллективом ученых Северо-Восточного федерального университета под руководством доктора социологических наук У.С. Борисовой.

В разделах 2–5 данной статьи рассмотрены некоторые результаты социологического опроса коренного населения Республики Саха (Якутия). При анализе данных опроса среди заполненных анкет были выбраны анкеты респондентов, которые указали собственную национальность «саха» или «сахалар». Для изучения этносоциальных и этнокультурных процессов, связанных с изменением уклада

жизни и поколенческими «сдвигами», в выборке выделялись различные подвыборки:

- группы респондентов разного возраста – 18–19 лет, 20–29 лет, 30–39 лет, 40–49 лет, 50–59 лет, 60 лет и старше;
- группы с различным уровнем образования – общее («школьное») образование; среднее специальное или неоконченное высшее; высшее или последипломное образование;
- группы занятых в разных сферах деятельности – аграрных (традиционных), индустриальных, постиндустриальных¹;
- группы, в разной степени затронутые процессом урбанизации, – сельские жители, горожане в первом поколении, горожане во втором (и более) поколении.

Сравнение ответов данных групп позволило сформулировать суждения о поколенческой динамике разных аспектов этничности, о влиянии на них образованности населения, «перетока» якутов из традиционного уклада в индустриальный и постиндустриальный, воздействию урбанизации. Представлены оценочные прогнозы, основанные на экстраполяции обнаруженных трендов.

В разделе 6 рассмотрены результаты экспертного опроса, относящиеся к оценке вероятности и степени возможного влияния различных критических ситуаций, которые ожидаемы в долгосрочной перспективе в связи с изменениями в процессах воспроизводства идентичности, культуры, языка народа саха.

В разделе 7 представлены «стратегические идеи», которые, мы полагаем, могут быть использованы при создании перспективных образовательных и культурных практик, нацеленных на сохранение и развитие народа саха как этнокультурной общности. Данные

идеи были апробированы в обсуждении с экспертами на экспертных семинарах в рамках проекта «Форсайт Республики Саха (Якутия) – 2050».

2. Тенденции воспроизводства этнической идентичности саха.

Оценочный прогноз воспроизводства этнической идентичности в долгосрочной перспективе

В рамках этносоциологического исследования изучались: 1) представления саха о критериях, на основе которых они относят себя к своему народу, 2) поколенческая динамика идентичности на основе сравнения долей самоопределившихся как саха среди родителей респондентов, самих респондентов и их детей, 3) соотношение этнической (якутской) и общероссийской идентификации (т.е. в качестве россиян) среди саха, в том числе разных возрастных групп, 4) характер этнической идентичности респондентов (позитивный, негативный, амбивалентный) в зависимости от возраста, уровня образованности, включенности в разные уклады.

Поколенческая динамика этнической идентичности обсуждается в коллективной монографии (Ефимов и др., 2014а: 189–190). Показано, что доля респондентов, считающих себя саха по национальности, немного меньше, чем доля родителей, самоопределившихся как саха; различие невелико (составляет 2–3 %), но присутствует во всех возрастных группах. В особенности заметно снижение доли самоопределившихся как саха среди детей респондентов по сравнению с долей самих респондентов; если респонденты включены в постиндустриальный когнитивный уклад, оно достигает 10 %. Таким образом, существует риск «диссипации» народа через отказ молодых поколений наследовать национальность родителей.

Представления саха о том, что определяет их национальную принадлежность, соотношение «якутской» и «русской» идентичностей, соотношение долей респондентов с позитивной, негативной, амбивалентной идентичностью в разных возрастных группах среди включенных в разные уклады – эти аспекты воспроизводства этнической идентичности саха освещены в статье (Ефимов и др., 2014б). Показано, что в последние 50 лет происходит переход от моноидентичности (я – якут, и чувствую себя якутянином), к сложной многокомпонентной идентичности, сочетающей этническую и общенациональную, гражданскую: саха, якутянин и одновременно россиянин (я – якут, чувствую себя якутянином и россиянином). Так, среди саха в возрасте 60 лет и старше чувствуют себя именно якутянами 63 % респондентов, в то время как одновременно якутянами и россиянами – 34 %; среди респондентов 18–19 лет якутянами чувствуют себя 42 %, одновременно якутянами и россиянами – уже 50 % респондентов². Включение этнической идентичности в состав сложной идентичности особенно характерно для саха, получивших высшее или последипломное образование, вовлеченных в индустриальный или когнитивный уклад.

Подавляющее большинство саха (80–88 % респондентов в разных возрастных группах) позитивно относятся к своей национальной принадлежности, испытывают радость, гордость, уверенность, родственность со своим народом (Ефимов и др., 2014б). Однако в молодых возрастных группах повышена доля респондентов, этническая идентичность которых амбивалентна (испытывают противоречивые чувства) – 16–19 %. Сравнительно реже позитивный характер этнической идентичности (и чаще амбивалентный) обнаруживается у респондентов, включенных в сервис-

ный уклад. Таким образом, трансформация укладов жизни может вызвать рост доли представителей народа саха, «амбивалентно» относящихся к своей национальной принадлежности, в молодом поколении и в особенности среди тех саха, которые включены в сервисные сферы деятельности.

На основе сопоставления возрастных групп построены линии трендов и оценочный прогноз изменения идентичности саха (Ефимов и Лаптева 2014б: 204; Ефимов и др., 2014а: 190).

Если обнаруженные тренды не изменятся в ближайшие десятилетия, то среди саха, родившихся в 2021–2030 гг. (тех, кто войдет во взрослую жизнь после 2050 г.), позитивная этническая идентичность («чувство родства, гордости и достоинства при осознании принадлежности к своему народу») будет при- суща 60 %; проявлять соответствующую активность («стараться узнать об истории, традициях своего народа, проявлять активность в организациях и социальных группах») будут не более 35 %; «ощущать себя больше якутянами» будут не более 30 %, одновремен-

но «ощущать себя и якутянами, и россиянами» будут почти 60 % (рис. 1).

Таким образом, со временем возможно «размывание» этнической идентичности представителей народа саха, поскольку формируется сложная идентичность, включающая общенациональную и гражданскую российскую идентичность, различные профессиональные и социальные идентификации человека и др. Необходимо понять, каким образом следует воспитывать молодые поколения, как должна быть устроена культурная жизнь взрослых, чтобы этническая и культурная идентичность саха и других коренных народов Севера не «растворилась» и не исчезла по воздействию иных культур.

3. Тенденции воспроизводства якутского языка.

Оценочный прогноз воспроизводства якутского языка в долгосрочной перспективе

Результаты социологического опроса показали, что подавляющее большинство саха считают родным языком якутский (86 % в

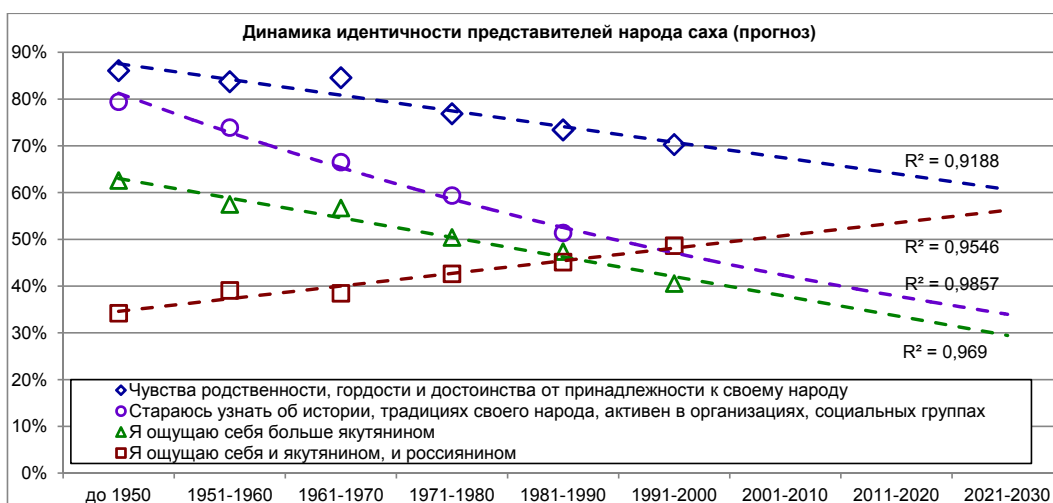

Рис. 1. Динамика идентичности представителей народа саха и оценочный прогноз до 2050 г. На оси абсцисс – десятилетние интервалы для годов рождения респондентов

среднем по выборке), однако в группах молодых респондентов (до 40 лет) выше доля тех, кто родным считает русский язык, – от 15 до 23 %, в сравнении с 10–14 % среди респондентов от 40 лет и старше. Еще отчетливее различия между возрастными группами просматриваются по степени владения якутским языком: среди саха в возрасте 60 лет и старше 94 % свободно владеют якутским языком, среди 40–59-летних 83–86 %, среди 20–39-летних 73 %, в группе 18–19-летних лишь 51 %. Чем моложе респонденты, тем чаще они оценивают свой уровень владения якутским языком как «могу говорить», «владею на бытовом уровне», «знаю отдельные слова» (Ефимов и Лаптева, 2014в: 59–61; Ефимов и др., 2014а: 137–138).

По данным опроса, зависимости между уровнем образования респондентов и долями респондентов, считающих родным языком якутский или русский, не обнаруживается. Кроме того, доля свободно владеющих якутским языком несколько выше в группах с более высоким уровнем образования: 78–80 % среди респондентов со средним специальным, высшим и послевузовским образованием, 72 % среди лиц, имеющих только «школьное» образование или без образования. «Переток» населения из традиционного в индустриальный, сервисный, когнитивный уклады также сам по себе практически не приводит к снижению числа людей, для которых родным является якутский язык, а также свободно владеющих якутским языком; обнаруживаются именно поколенческие различия (Ефимов и Лаптева, 2014в: 60–61; Ефимов и др., 2014а: 144–147).

Весьма показательны данные о том, на каком языке респонденты разных возрастных групп обсуждают личные и домашние дела. Чем моложе респонденты, тем чаще в качестве языка повседневного общения они исполь-

зуют русский: 32 % в группе 29–29-летних (соответственно, якутский язык – 68 %). Для сравнения, в группе 50–59-летних общаются в повседневной жизни в основном на русском языке 20 % респондентов, в группе 60 лет и старше – 15 % (на якутском – 80 % и 85 %) (Ефимов и др., 2014б: 139).

Если сравнивать ответы респондентов о том, на каком языке они общаются в повседневной жизни сами, на каком языке – их родители, на каком общаются их дети, то прослеживаются отчетливые «разрывы»: доля респондентов, использующих якутский язык в повседневной жизни, меньше, чем доля родителей респондентов («перепад» достигает 21 % для группы 20–29-летних респондентов), а доля детей респондентов меньше, чем доля самих респондентов (различие до 19 %). Особая ситуация прослеживается относительно группы 20–29-летних: доля детей респондентов, использующих якутский язык в повседневной жизни, несколько больше, чем доля самих респондентов (72 и 68 % соответственно). Возможно, эта особая ситуация свидетельствует об определенной действенности политики поддержки национального языка в Республике Саха (Якутия) (Ефимов и Лаптева, 2014в: 62; Ефимов и др., 2014а: 140).

Таким образом, существует значительный риск вытеснения якутского языка как языка повседневного общения русским языком: в каждом последующем поколении саха использует якутский язык в повседневной жизни на 10–20 % меньше людей, чем в предыдущем.

Саха со средним специальным и высшим образованием несколько чаще используют якутский язык в повседневном общении, чем имеющие только «школьное» образование. Однако в группах более образованных респондентов обнаруживаются большие

разрывы между поколениями (родителями респондентов, респондентами, их детьми) в этом отношении (Ефимов и др., 2014а: 147). Межпоколенческие «разрывы» сравнительно невелики, если респонденты включены в традиционный уклад; они максимальны, если респонденты включены в индустриальный уклад. Возможно, это связано с тем, что индустриальное производство в республике сконцентрировано в индустриальных городах и поселках, в которых высока доля населения других национальностей, и русский язык используется в качестве языка общения на производстве и в быту (Ефимов и Лаптева, 2014в: 63–64).

Представляют интерес данные о том, «на каком языке думают» саха разных возрастов. Большинство саха старше 40 лет предпочитают обдумывать важные для себя вещи, используя якутский язык (до 65 % среди респондентов 60 лет и старше). Среди молодых «удобно думать на якутском языке» для 37 % 20–29-летних и 27 % 18–19-летних. Именно среди молодежи заметная часть считает, что им «удобно думать на русском языке» – этот ответ выбрали 24 % 18–19-летних и 28 % 20–29-летних (Ефимов и Лаптева, 2014в: 66; Ефимов и др., 2014а: 141).

Более высокий уровень образования, судя по данным опроса, способствует тому, что в качестве языка внутренней речи и мышления все больше используется русский язык. Среди респондентов, имеющих только «школьное» образование, 56 % ответили, что им удобно думать на якутском языке, 22 % – одинаково удобно думать на якутском и на русском языке, 22 % – на русском. Среди имеющих высшее или послевузовское образование 44 % считают, что удобно думать на якутском языке, 35 % – одинаково удобно думать на якутском и на русском языке, 21 % – на русском (Ефимов и др., 2014а: 148).

«Переток» саха из традиционных в индустриальные и постиндустриальные сферы деятельности также сказывается на «языке мышления». Наиболее велика доля респондентов, предпочитающих думать на якутском языке: среди тех, кто включен в традиционный уклад – 57 %; наименее среди включенных в индустриальный уклад – 45 %; среди включенных в сервисный уклад – 46 %, среди включенных в когнитивный уклад – 49 % (Ефимов и Лаптева, 2014в: 67–68). Таким образом, рост уровня образованности саха и включение в новые уклады жизни, в первую очередь в индустриальный и сервисный, сопровождается изменением языка внутренней речи и мышления (Ефимов и др., 2014а: 148–149).

На основе сопоставления возрастных групп построены линии трендов и оценочный прогноз сохранения якутского языка в разных аспектах – владение языком, использование языка в повседневной жизни; язык мышления (Ефимов и др., 2014а: 182–183).

Точки графиков (рис. 2) для годов рождения в интервале «до 1950 г. ... 2000 г.» построены по данным социологического опроса. На основе этих точек произведена экстраполяция – рассчитаны линии трендов до интервала годов рождения 2020–2030 гг. (родившиеся в этом интервале будут вступать во взрослую жизнь в 2040–2050 гг.).

Оценочный прогноз показывает, что при видимом благополучии в настоящее время есть тенденции, которые на больших масштабах времени (2030 г. и далее) могут привести к утрате якутского языка заметной частью народа саха – произойдет значительное замещение его русским языком. Большинство людей будут знать язык, но существенно меньшая часть будет пользоваться им как живым языком – общаться, думать на родном языке. При сохранении наличных трендов среди родив-

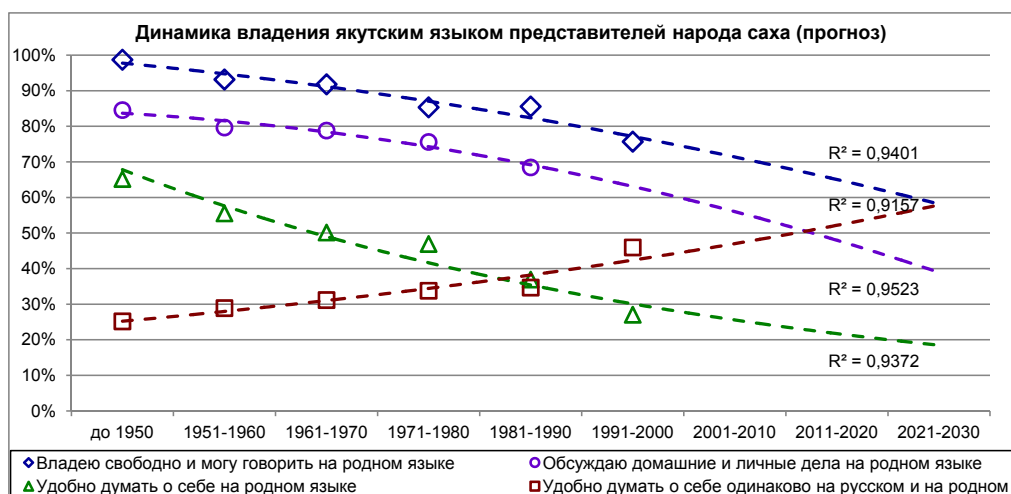

Рис. 2. Динамика сохранения якутского языка в его различных функциях и оценочный прогноз до 2050 г. На оси абсцисс – десятилетние интервалы для годов рождения респондентов

шихся в 2021–2030 гг. «свободно владеющими или способными говорить на якутском языке» будут лишь 60 % саха; «обсуждать домашние и личные дела на родном языке» будут не более 40 %; «думать на якутском языке» будут не более 20 %; думать на родном и русском языке, т. е. в психологическом плане двуязычными, будут более 50 % саха (Ефимов и др., 2014а: 183).

4. Изменения социальных институтов, обеспечивающих культурную трансмиссию: анализ и оценочный прогноз

Для народа, значительная часть которого покидает сельские поселения, начинает жить в городах и включается в индустриальные и постиндустриальные виды деятельности, огромное значение имеют надлокальные институты воспроизводства национальной культуры и языка – средства массовой информации, печатное слово, школа всех уровней (от начальной до высшей профессиональной).

Данные, полученные в результате социологического опроса, показывают, что

ситуация функционирования надлокальных институтов является неоднозначной и проблематичной. Технологическая революция – «цифровая революция» и переход от печатного слова к мультимедийным средам – создает переходную ситуацию, в которой СМИ, книжная продукция, школьное и вузовское образование оказываются «слабо работающими», по крайней мере, до тех пор, пока не перейдут на новую технологическую платформу и не освоят новые форматы деятельности (Ефимов и др., 2014а: 214).

В ходе социологического опроса респонденты отвечали на вопросы о том, из каких источников они узнали о традициях своего народа, ощущают ли они себя частью рода, часто ли они читают газеты и книги, смотрят телевизионные передачи на родном языке. Таким образом получена информация о ответственности локальных и надлокальных институтов как каналов культурной трансмиссии и поддержки якутского языка.

Данные опроса свидетельствуют о том, что среди локальных институтов сохраняет свою роль семья – подавляющее большин-

ство респондентов отметили, что узнали о традициях якутского народа от своих родителей – 83 % в среднем по выборке, причем доля таких ответов почти одинаково велика во всех возрастных группах, включая самые молодые. Другие источники информации о традициях народа отмечаются респондентами значительно реже: СМИ (телевидение, газеты, радио, интернет) – 44 %, книги – 36 %, школа – 31 % (в самых молодых группах заметно чаще – 48–60 %), этнокультурные мероприятия – 29 %, знакомые и друзья – 24 %, вуз – 5 %, культурно-досуговые центры – 5 %, деятельность ведомственных органов культуры – 4 %. Таким образом, семья и общение детей с родителями лидируют как канал трансмиссии культуры народа саха (Ефимов и др., 2014а: 174).

Одновременно род (широкая группа связанных родством людей, принадлежащих разным поколениям) постепенно перестает быть одной из «реальностей жизни» народа саха. В среднем по выборке 65 % респондентов считают себя безусловно частью рода, 19 % выбрали ответ «скорее да, чем нет», т. е. в сумме 84 % респондентов считают себя частью рода.

Однако молодые респонденты выбирают ответ «безусловно» реже – 46 % 18–19-летних и 57 % 20–29-летних; суммы ответов «безусловно» и «скорее да, чем нет» – 73 % в группе 18–19-летних и 78 % в группе 20–29-летних. Для сравнения: в группе 60 лет и старше ответов «безусловно» 78 %, сумма ответов «безусловно» и «скорее да, чем нет» – 89 %; в группе 50–59-летних ответов «безусловно» 74 %, сумма ответов «безусловно» и «скорее да, чем нет» – 87 % (Ефимов и др., 2014а: 171–172).

Передача якутской культуры новым поколениям и поддержка якутского языка посредством таких надлокальных институтов, как СМИ, книгоиздание, имеют место, но со временем становятся все более проблематичными. Опрос показывает, что чем моложе респонденты, тем реже они читают газеты и книги, смотрят телевизионные передачи на якутском языке. Данная закономерность очень выражена – см. распределения ответов, представленные на рис. 3 и 4 (Ефимов и Лаптева, 2014в: 65–66). Среди молодого поколения саха (1981 г. и более поздних годов рождения) менее 15 % часто читают книги и газеты на якутском языке, менее трети часто

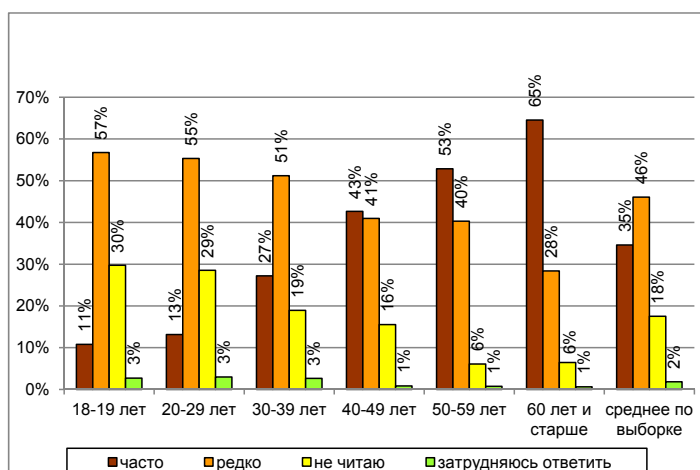

Рис. 3. Частота чтения газет, журналов, художественной литературы на родном языке респондентами различных возрастных групп

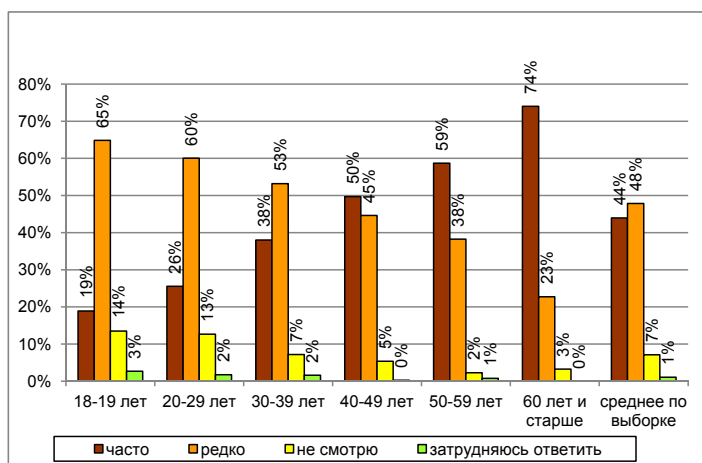

Рис. 4. Частота просмотра телевизионных передач на родном языке респондентами различных возрастных групп

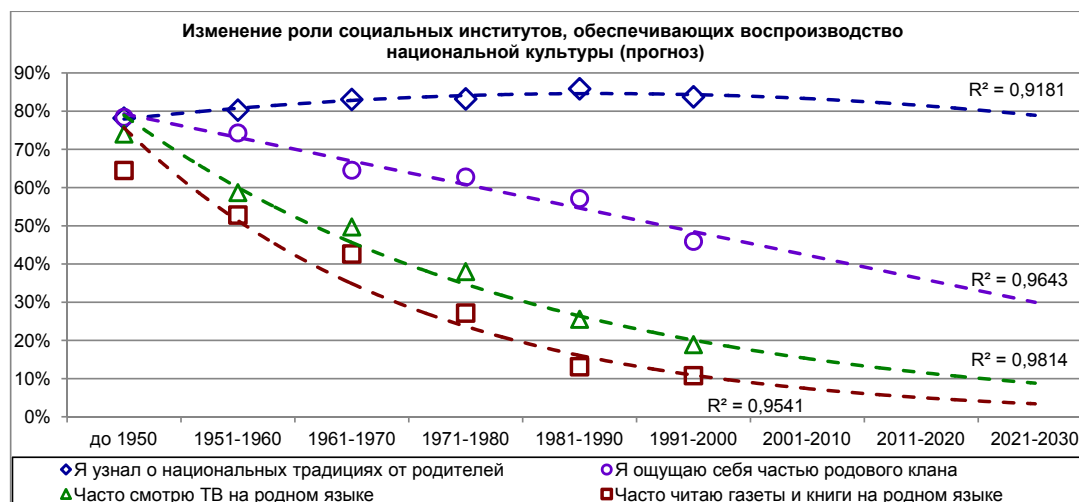

Рис. 5. Изменение роли социальных институтов, посредством которых происходит передача из поколения в поколение якутского языка и культуры – анализ и оценочный прогноз до 2050 г. На оси абсцисс – десятилетние интервалы для годов рождения респондентов

смотрят телевизионные передачи на якутском языке; при этом около трети (29–30 %) вовсе не читают на якутском языке.

На основе сопоставления возрастных групп построены линии трендов и оценочный прогноз изменения «работы» социальных институтов как каналов трансмиссии культуры и языка народа саха (рис. 5) (Ефимов и др., 2014а: 215).

Экстраполяция показывает: если различные тренды сохранятся, то среди саха, которые родятся в 2021–2030 гг. и выйдут во взрослую жизнь после 2050 г., не более 10 % будут читать или смотреть телепередачи на якутском языке. Немногим более 30 % будут ощущать себя частью рода; при этом роль нуклеарной семьи и общения детей и родителей должна сохраниться.

Таким образом, система надлокальных институтов сможет быть действенной в плане передачи новым поколениям якутского языка и культуры лишь в том случае, если она будет существенно трансформирована и достроена, включены новые институты, характерные для общества после цифро-коммуникативной революции, – электронные СМИ, сетевые сообщества, дистанционные форматы образования, виртуальные и при этом интерактивные «хранилища» культурного наследия и др. (Ефимов и др., 2014а: 215). Одновременно должны быть созданы образовательные практики, обеспечивающие актуализацию культурного наследия якутского народа для молодежи – его субъективную значимость и деятельное освоение, а не только наличие в цифровых «хранилищах» и формальную доступность (Svitin et al., 2012).

5. Воспроизводство якутского языка и культуры в условиях урбанизации

Одна из ключевых гипотез исследования заключалась в том, что процесс урбанизации во многом определяет настоящее и будущее народа саха. В начале XX столетия доля горожан в Якутии составляла 3,4 % (Федорова, 1998); к 2012 г. она достигла 64 %; к 2050 г. доля горожан может возрасти до 75 % (по «среднему» варианту демографического прогноза) (Михайлова и др., 2014: 178).

Предположительно урбанизация должна сопровождаться изменением ряда важных социально-демографических и этнокультурных характеристик народа саха: переходом к малодетной семье (один-два ребенка); сужением сферы применения якутского языка и одновременно более широким использованием русского языка в различных сферах жизни и деятельности; снижением интереса к народной культуре, трансформацией идентичности. При проведении эмпирического

этносоциологического исследования важно было учесть, что эффекты урбанизации в якутском обществе в настоящее время «сглаживаются» благодаря большой доле горожан в первом поколении (их родители являются сельскими жителями) – 60 % горожан, по данным проведенного исследования. Они, как правило, воспитывались в сельской среде, поддерживают связи с сельскими родственниками, проводят свободное время в сельской местности. Поэтому для оценки возможного влияния урбанизации в долгосрочной перспективе необходимо выделить и сравнить три группы: 1) горожане во втором поколении – респонденты-горожане, родители которых также горожане; 2) горожане в первом поколении – респонденты-горожане, родители которых являются сельскими жителями; 3) сельские жители – респонденты-сельчане, родители которых также проживают (или проживали) в селе. Полностью результаты сопоставления данных трех групп приведены в статье (Ефимов и Лаптева, 2015) и в коллективной монографии (Ефимов и др., 2014а: 198–211), там же представлены социологические портреты этих групп. В данной же статье изложим наиболее выразительные результаты проведенного анализа и полученные выводы.

Исследование показало, что горожане во втором поколении отличаются от других групп (сельских жителей и горожан в первом поколении) тем, что начинают «выключаться» из сферы действия традиционных локальных институтов, обеспечивающих трансляцию национального языка и культуры – сообществ родственников, родовых кланов. Они в большей степени ориентированы на малодетную семью – большинство планируют иметь двух или одного ребенка. Среди горожан во втором поколении начинает преобладать сложная идентичность, сочетающая

«якутскую» и «русскую». Большинство горожан во втором поколении предпочитают думать на русском или на обоих языках (русском и якутском); в повседневном общении их семьи переходят на русский язык, а большинство детей уже общаются на русском языке. Снижается уровень причастности к народной культуре в разных ее проявлениях (традиции и обычаи, национальная кухня, праздники, хозяйственные занятия, национальная одежда и др.) – она занимает все меньшее место в жизни горожан (Ефимов и др., 2014а: 211).

В качестве примера на рис. 6 показаны распределения ответов горожан во втором поколении (три левых столбика диаграммы), горожан в первом поколении (три средних столбика) и сельских жителей (три правых столбика) на вопрос о том, на каком языке обсуждают домашние и личные дела сами респонденты, их родители, их дети. Горожане во втором поколении отличаются не только тем, что более половины из них в повседневной жизни общаются на русском языке, но и тем, что их дети в 2/3 случаях общаются именно на русском языке. Диаграмма наглядно отражает и процесс «сворачивания» функ-

ции якутского языка как языка повседневной жизни в ходе вовлечения саха в урбанизацию, и одновременно происходящие при этом «поколенческие сдвиги».

Различия между поселенческими группами по языку мышления и внутренней речи («на котором удобно думать») показаны на рис. 7. Горожане во втором поколении отчетливо отличаются от других групп тем, что среди них преобладают думающие на русском языке, в то время как доля думающих на якутском языке минимальна.

Обнаруженные значительные отличия горожан во втором поколении от других групп саха важны для прогноза ситуации, которая возникнет через 20–25 лет, когда произойдет увеличение доли горожан во втором поколении среди населения в целом за счет пополнения детьми горожан в первом поколении. Если не будут предприняты меры образовательной и культурной политики, направленные на сохранение идентичности, языка, культуры народа саха (понимаемое не как консервация, а как адаптация и развитие), будет происходить «сворачивание» сфер применения якутского языка, его вытеснение из повседневной жизни

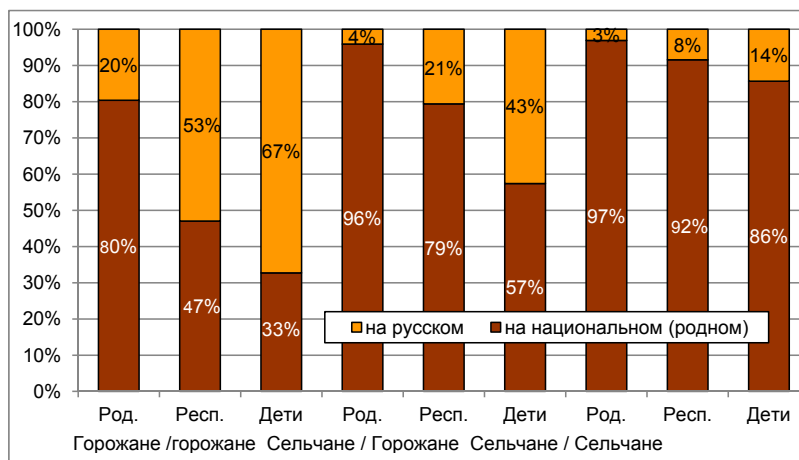

Рис. 6. Распределения ответов о языке, на котором обсуждают домашние и личные дела сами респонденты, их родители, их дети

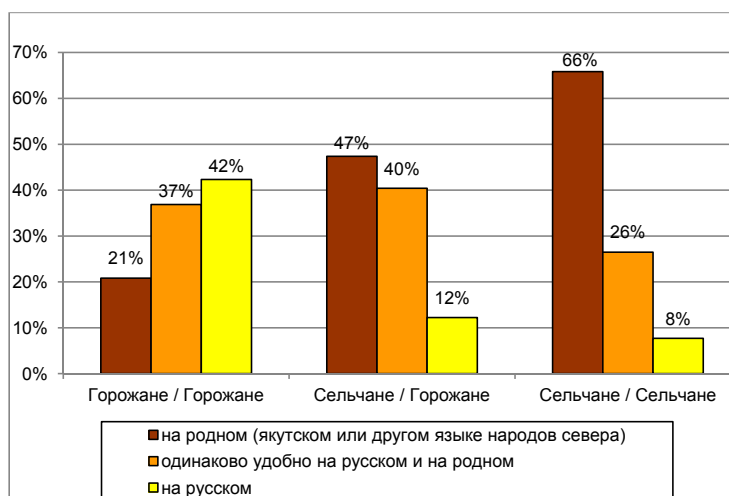

Рис. 7. Распределения ответов о языке, на котором «удобно думать»

русским языком, «маргинализация» якутской культуры (сохранение в основном в сельской глубинке).

При этом важно понимать, что «ретроспективная» стратегия сохранения культуры в современном урбанизированном обществе не может быть действенной; ключевой стратегией сохранения и развития культуры должно стать выделение «ядра» культуры саха и коренных малочисленных народов Севера – базовых нравственных ценностей, человеческих идеалов, картины мира; выстраивание культурных и образовательных практик, обеспечивающих реализацию этих ценностей и идеалов в современных социокультурных средах (Ефимов и Лаптева, 2015).

6. Возможные критические ситуации в сфере воспроизводства языков, культуры, этнической идентичности коренных народов

В ходе проведенных семинаров с участием экспертов были сформулированы гипотезы относительно вероятных критических ситуаций в сфере воспроизводства языков, культуры, этнической идентичности коренных

народов Республики Саха (Якутия) – народа саха и коренных малочисленных народов Севера. Далее в ходе анкетного опроса экспертов была оценена вероятность возникновения этих критических ситуаций и степень их возможного влияния на коренные народы в будущем. Результаты экспертных оценок отражены на рис. 8³ (Ефимов и др. 2014а: 196–197).

Эксперты полагают, что наибольшее влияние на будущее коренных народов могут оказать две критические ситуации:

- кризис институтов воспроизводства языка и культуры: традиционные институты (семья, род) перестают передавать язык и культуру новым поколениям, а новые институты (СМИ, учреждения образования и культуры и др.) не могут эффективно выполнять данную функцию;
- поколенческий разрыв – молодое поколение больше не обращается к национальной культуре, утрачивает ценность культуры; национальная культура превращается в «музей».

Вероятность возникновения этих критических ситуаций оценивается как средняя,

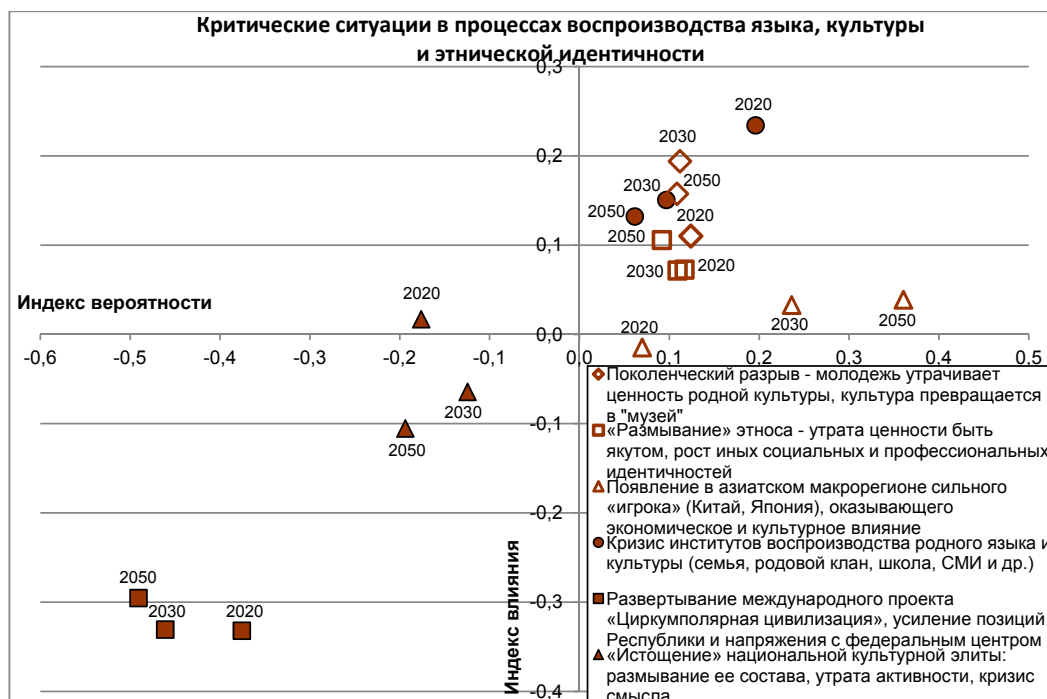

Рис. 8. Вероятность проявления и возможное влияние критических ситуаций в воспроизводстве языка, культуры, этнической идентичности коренных народов

степень влияния – как большая в сравнении с другими критическими ситуациями. Также может возникнуть, с несколько меньшим уровнем возможного влияния, ситуация:

- «размывание» этноса – утрата ценности быть якутом, идентификация с другими группами – социальными, профессиональными (людям становится неважно, кто они по национальности, важнее, кто они по профессии, уровню доходов, статусу и др.).

В долгосрочной перспективе (два десятилетия и более) возможно появление в азиатском макрорегионе сильного «игрока» (на эту роль могут претендовать Китай, Япония и др.), который оказывает экономическое воздействие, распространяет собственную культуру и тем самым усложняет сохранение культур менее многочисленных народов. Сравнительно маловероятные си-

туации: 1) развертывание международного проекта «Циркумполярная цивилизация» приводит к усилению позиций республики, но спровоцирует конфронтацию с федеральным центром; 2) «истощение» национальной культурной элиты, размывание ее состава, утрата энергии, кризис смысла, прагматизация ее деятельности, забвение интересов народа саха и других коренных народов республики.

7. Стратегические идеи для культурных и образовательных практик, политики сохранения коренных народов Республики Саха (Якутия)

Обсуждаемые в разделе идеи предлагались участниками экспертных интервью и сессий, апробировались в ходе Делфи-опроса экспертов. Они более развернуто представле-

ны в публикациях: (Ефимов и Лаптева, 2014а; 2014б; Михайлова и др., 2014).

1. «Этничность» как особый ресурс коренных народов. Представляется перспективным отношением к этничности как к особому ресурсу, капиталу, т. е. источнику возможностей для самоопределения и активности людей в современном мире⁴. С точки зрения данной позиции народ может осваивать новые уклады жизни и деятельности – индустриальный, постиндустриальный – на собственной культурной основе, выстраивать эти уклады как «свои», а не навязанные и чуждые.

2. Поиск коренными народами своих – подходящих для них и перспективных – мест, ролей, позиций в интернациональных и поликультурных сообществах.

3. Выявление и сохранение «ядра» культуры коренных народов (о ядре культуры см., например: Koptseva et al., 2011). В современном мире нереально сохранить культуры коренных народов во всей полноте и детализации; более реалистичным представляется сохранение «ядерных структур» культуры – базовых нравственных ценностей, человеческих идеалов, не теряющих актуальность аспектов картины мира, ментальности северных народов. «Ядро культуры» не может быть механически извлечено из артефактов традиционной культуры (хозяйства, социальных установлений, эпоса или обычаев повседневной жизни). Необходима работа само-осознания, соединяющая «вчитывание» в культурное наследие народа с творческим созданием «образа себя», воссозданием и кристаллизацией наиболее позитивных и актуальных аспектов этого образа.

Исследование позволило сделать ряд предварительных выводов о «ядре культуры» саха. В систему ценностей якутского народа входят сакральность природы, родной земли, жизни; ценность семьи, рода, человеческой

общности; ценность умения и мастерства. Ценности народа кристаллизуются в образах совершенного человека: это кузнец, олицетворяющий мастерство; это воин (или охотник), олицетворяющий стойкость и поисковую активность в рискованных условиях; это шаман, посредник между человеческим и трансцендентным; это сказитель, соединяющий верность культурной традиции (культурной памяти народа) с ее самобытной творческой реализацией. Эти образы человека, с одной стороны, восходят к архаике, с другой – собирают человеческие качества, которые важны во все времена и могут найти место в современности, быть культурно-ценностным ядром для коренных народов республики.

4. Оформление нового образа Человека Севера как ориентира для образовательных и культурных практик. Столетия жизни северных народов в экстремальных природно-климатических условиях сформировали особый культурно-психологический тип «человека Севера» (Новиков и Пудов, 2005); он сочетает стойкость и надежность, несуетность, склонность к вдумчивому, неторопливому действию, внимательное отношение к окружающему миру (способность видеть детали, замечать изменения, бережно обращаться с этим). В современном глобализованном мире эта культурно-психологическая основа неизбежно расширяется, включая человеческие качества, важные для успешной жизни в современных условиях. Перспективным представляется образ человека, в котором соединяются: якут, верный сын своего народа; россиянин, гражданин страны Россия; человек в глобальном мире. Такой человек является носителем трех культурных «платформ»: национальной родной культуры, культурного российского наследия, общемировой культуры; он владеет якутским языком и постоянно им пользуется в разных контекстах жизни и

деятельности, а также владеет русским языком как языком профессиональной коммуникации, кроме того, владеет иностранным языком как языком международного общения. При этом культура и язык саха задают базовые жизненные смыслы, связь с миром на глубинном уровне, служат «ключом» к работе человека над самим собой, создают основу семейной жизни; русский язык и культура являются основой гражданской позиции, профессиональной деятельности; иностранный язык и мировая культура дают возможность быть человеком, открытым миру, восприимчивым к знаниям и новшествам, готовым к контактам и сотрудничеству с представителями разных стран и народов в культурной, профессиональной и бытовой действительности.

5. Развертывание современных образовательных практик с целью сохранения языков и культуры коренных народов. Необходимы образовательные практики, обеспечивающие «проживание» родной культуры, присвоение содержащихся в ней смыслов. Эти практики должны опираться на собственную активность детей и молодых людей, быть интерактивными, диалогичными. Они должны использовать современные цифровые технологии, которые позволяют переводить «культурный багаж» в мультимедийный «текст» (включающий текст, звук, видеоряд), обеспечивать практически неограниченный доступ к нему через каналы интернета.

Важнейшим для воспроизводства родного языка, культуры и этнической идентичности является семейное воспитание, которое в сензитивном возрасте ребенка может сформировать основы «ценностного самообраза» (концепт ценностного самообраза предложен О.И. Генисаретским (1995)). Для его поддержки необходимо по-новому по-

нять основные механизмы семейного воспитания в условиях открытой, поликультурной среды, разработать методологические и методические основы современного семейного воспитания.

6. Развитие нормативно-правовой базы для направления природной ренты на цели развития коренных народов. В современном мире становится нормой то, что природная рента, получаемая за счет эксплуатации месторождений и биоресурсов на территориях проживания коренных народов, распределяется с учетом их интересов. Для этого существует ряд механизмов и институциональных решений, например, в виде создания суверенных фондов, пополняемых за счет рентных доходов, особых институтов развития, системы прав коренных народов, закрепленных на международном, страновом и региональном уровнях (Конвенция МОТ..., 1989; Декларация Организации Объединенных Наций..., 2007; Концепция устойчивого развития..., 2009). Российская Федерация подписала ряд базовых международных документов в отношении защиты прав коренных народов, но ряд вопросов требует разработки дополнительных законов, подзаконных актов и нормативных документов. Совершенствование законодательства должно включить: корректировку межбюджетных отношений; расширение полномочий органов власти субъектов Федерации; уточнение обязанностей компаний, которые ведут производственную деятельность на территориях проживания коренных народов, и др. Необходимо создание или совершенствование законодательной базы, в результате применения которой развертывание производств на северных территориях будет приводить к росту уровня жизни населения, развитию социальной и культурной инфраструктуры (Михайлова и др., 2014).

- ¹ Традиционные сферы деятельности: традиционные промыслы (рыболовство, охота), сельское хозяйство, животноводство, оленеводство. Индустриальные сферы деятельности: промышленность, строительство, жилищно-коммунальное хозяйство. Постиндустриальные сервисные сферы деятельности: образование, транспорт и связь, торговля и общественное питание, информационно-вычислительное обслуживание, бытовое обслуживание, здравоохранение. Постиндустриальные когнитивные сферы деятельности: культура и искусство, наука и научное обслуживание, финансы, кредит, страхование, работа в аппарате управления. С известным приближением можно считать, что занятые в данных сферах деятельности включены, соответственно, в традиционный, индустриальный, постиндустриальный (сервисный и когнитивный) уклады.
- ² Полученные данные в целом согласуются с результатами исследования, проведенного Институтом социологии РАН в 2012 г. (Дробижева и др., 2012: 51).
- ³ Инструментарий, методика опроса, методика обработки данных и расчета индексов приведены в монографии (Ефимов и др., 2014а: 323–355).
- ⁴ Необходимо подчеркнуть, что речь идет именно о ресурсах самоопределения и активности, а не просто о возможности «коммодификации» культурного наследия и представления его как экзотического товара в рамках индустрии впечатлений.

Список литературы

1. Борисова У.С., Попова Л.Н., Ефимов В.С. (2013а). Экономические и этнокультурные процессы Республики Саха (Якутия): настоящее и будущее. Экономическая наука в различных культурных контекстах: коллективная монография, Prague: Charles University in Prague, Faculty of social sciences. 6–37.
2. Борисова У.С., Попова Л.Н., Ефимов В.С. (2013б). Критические ситуации будущего Республики Саха (Якутия): результаты Делфи-опроса // Экономические и гуманитарные науки, 9(260), 40–50.
3. Борисова У.С., Попова Л.Н., Ефимов В.С. (2013в). Сценарные варианты будущего Республики Саха (Якутия) в сфере экономики: по результатам Делфи-опроса // Социосфера, 4, 14–23.
4. Генисаретский О.И. (1995). Культурно-антропологическая перспектива // Иное. Хрестоматия нового российского самосознания. М.
5. Дробижева Л.М., Арутюнова Е.М., Бравин А.Д., Кузнецов И.М., Перебоева М.А., Рыжова С.В., Яковлева Э.Я. (2012). Идентичность и консолидационный ресурс жителей Республики Саха (Якутия) // Информационно-аналитический бюллетень Института социологии Российской академии наук, 4, 04–96.
6. Ефимов В.С., Борисова У.С., Буровская Е.В., Ефимов А.В., Лаптева А.В., Михайлова Е.И., Юшков А.Н. (2014а). Будущее Республики Саха (Якутия). Кн. 1. Социально-культурное воспроизводство народа саха. Политика сохранения и развития коренных народов : научная монография. Якутск: Издательский дом Северо-Восточного федерального университета, 368 с.
7. Ефимов В.С., Лаптева А.В., Борисова У.С. (2014б). Проблемы воспроизводства этнической идентичности народа саха (по материалам этно-социологического исследования) // Проблемы истории, филологии, культуры, 2 (44), 333–349.
8. Ефимов В.С., Лаптева А.В. (2015) Влияние урбанизации на процессы сохранения культуры и языка народа саха: социологический анализ // Археология, этнография и антропология Евразии (в печати).
9. Ефимов В.С., Лаптева А.В. (2014а). Проблемы и возможности сохранения коренных народов Севера: культурно-антропологический аспект // Человек.RU: Гуманитарный альманах, Новосибирск: НГУЭУ. 186–199.

10. Ефимов В.С., Лаптева А.В. (2014б). Будущее коренных народов Республики Саха (Якутия) (по материалам форсайт-исследования) // 55 и выше: Международный этно-антропологический конгресс, под ред. С.А. Смирнова, И.В. Октябрьской. Новосибирск, 198–224.
11. Ефимов В.С., Лаптева А.В. (2014в). Будущее циркумполярных территорий: проблемы воспроизводства северных этносов // Макрорегион Сибирь: проблемы и перспективы развития, М.: INFRA-M; Красноярск: Сиб. федер. ун-т. 48–102. DOI 10.12737/1205.3
12. Ефимов В.С., Лаптева А.В. (2012). Форсайт Республики Саха (Якутия): концепция и базовые модели проекта // Вестник НГУЭУ, 1, 105–123.
13. Конвенция МОТ № 169 о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни, в независимых странах. Женева: МОТ, 1989.
14. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов. Принята резолюцией 61/295 Генеральной Ассамблеи от 13 сентября 2007 года.
15. Концепция устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 4 февраля 2009 года № 132-р. М., 2009.
16. Михайлова Е.И., Ефимов В.С., Борисова У.С., Лаптева А.В., Набережная А.Т., Саввина Н.В., Саввинов В.М., Сукнёва С.А., Федоров М.П., Яковлева К.М. (2014). Республика Саха (Якутия) – 2050. Форсайт-исследование. Якутск: Издательский дом Северо-Восточного федерального университета, 184 с.
17. Михайлова Е.И., Ефимов В.С., Лаптева А.В., Федоров М.П. (2012). Форсайт Республики Саха (Якутия) – 2050: Концепция проекта и карта работ // Под ред. Е.И. Михайловой и В.С. Ефимова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т ; Якутск: Сев.-Вост. федер. ун-т им. М. К. Аммосова. 60 с.
18. Новиков А.Г, Пудов А.Г. (2005). Менталитет северян в контексте циркумполярной цивилизации: монография. Якутск: Изд-во Якутского ун-та. 178 с.
19. Федорова Е.Н. (1998). Население Якутии: прошлое и настоящее (геодемографическое исследование). Новосибирск: Наука. Сиб. предприятие РАН, 207 с.
20. Yefimov Valery. (2012). Preserving Linguistic and Cultural Diversity in the Republic of Sakha (Yakutia): Foresight Project. Linguistic and Cultural Diversity in Cyberspace. Proceedings of the 2nd International Conference (Yakutsk, Russian Federation, 12-14 July, 2011). Moscow: Interregional Library Cooperation Centre. 116-122.
21. Koptseva Natalia P., Bakhova Natalia A., Medyantseva Nadezhda V. (2011) Classical and Contemporary Approaches to Ethno-Cultural Studies. The Kernel of Ethnos // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 5 (4), 615–632.
22. Mikhailova Evgeniya I., Lapteva Alla V. and Efimov Valery S. (2014). Scenario of the Future of the Sakha (Yakutia) Republic. Foresight Research // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences, 7 (9), 1457-1470.
23. Svitin A.P., Efimov V.S., Lapteva A.V., Rummyantsev M.V. (2012) New approaches to the problem of actualization of the historical and cultural heritage // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. Vol. 5, 9, 1368–1373.